Магсумова Луиза Ильфировна

КОНЦЕПТ "УГРОЗА" В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Данное исследование направлено на изучение концепта "угроза" с точки зрения языкового инструмента речевого воздействия на примере глаголов с общим значением разрушительного действия, глаголов уничтожения и повреждения, глагольных сочетаний. В статье устанавливается многочисленная лексико-семантическая группа глаголов для реализации угрозы в политическом дискурсе. Также в научной статье изучается использование имен существительных класса абстрактных, конкретных и собирательных и имен собственных в качестве угрозы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 125-128. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'42

Данное исследование направлено на изучение концепта «угроза» с точки зрения языкового инструмента речевого воздействия на примере глаголов с общим значением разрушительного действия, глаголов уничтожения и повреждения, глагольных сочетаний. В статье устанавливается многочисленная лексико-семантическая группа глаголов для реализации угрозы в политическом дискурсе. Также в научной статье изучается использование имен существительных класса абстрактных, конкретных и собирательных и имен собственных в качестве угрозы.

Ключевые слова и фразы: дискурсивный анализ; политический дискурс; политический ярлык; концепт; глаголы деструктивной семантики; менасивный речевой акт; вербальная агрессия.

Магсумова Луиза Ильфировна
Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
luiza.magsumova.90@mail.ru

КОНЦЕПТ «УГРОЗА» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Интерес лингвистов к такому продукту языковой деятельности, как дискурс, не случаен – он позволяет исследовать природу речевого высказывания с разных точек зрения. Причиной тому может служить возросшее внимание к человеку и его внутренним возможностям со стороны гуманитарных исследований. Современная наука в целом и различные лингвистические науки определяют новые подходы к исследованию языка. Одним из таких новых подходов к изучению языка явился дискурсивный анализ в англоязычной политической среде.

Наиболее распространенным и освоенным языковым инструментом речевого воздействия является выбор слов и словосочетаний. Лексическая семантика отличается большим разнообразием, что говорит о выборе слов как об универсальном инструменте, с помощью которого осуществляются самые разные виды воздействия. Эмоциональная составляющая в значении многих слов помогает говорящему при произнесении высказывания оказывать сильное эмоциональное воздействие на аудиторию.

Среди многообразия глаголов, прежде всего, обращают на себя внимание глаголы с общим значением разрушительного действия, глаголы уничтожения и повреждения. Все они составляют семантическую группу глаголов деструктивной семантики. Такие глаголы определяются как «переходные предельные глаголы со значением физического воздействия на объект, в результате которого объект изменяется, нарушается его структурная целостность на макро- или микро-уровне, и он не может выполнять ранее присущие ему функции» [8, с. 85].

Таким образом, такие глаголы и глагольные сочетания, как *to attack* – нападать, *to beat* – бить, *to break* – ломать, *to bury* – хоронить, *to crush* – громить, рушить; *to destroy* – разрушить, истребить; *to end* – покончить с чем-то, *to eradicate* – истреблять, *to finish* – закончить, *to hit* – ударить, *to kill* – убивать, *to rout out* – громить, *to shoot* – стрелять, *to slaughter* – избивать, совершать массовое убийство; *to strike* – ударить, *to wipe out* – стереть с лица земли и т.п. [26] были отнесены нами к группе под общим названием <u>глаголы и глагольные сочетания нанесения физического ущерба адресату</u> (включающие значение физического уничтожения или повреждения адресата или близкого его окружения), что подтверждается словарными дефинициями на основании перекрестных толкований. Приведем несколько примеров:

to attack (v) **– to *use physical violence*** against someone [25, p. 81] – **использовать физическое насилие против кого-то** (*русскоязычные дефиниции без ссылки – перевод автора статьи* (Л. М.)); атаковать, нападать [2, с. 37];

to beat (v) – to **hit** or **strike** sb/sth several times [25, p. 114] – **бить** кого-то несколько раз; бить, ударять [2, с. 46];

to destroy (v) – to **damage** sth so badly that it no longer exists [25, p. 401] – **повредить** что-то очень сильно; губить, уничтожать [26];

to *kill (v)* – to **ruin sb's life completely** so that they have no hope for the future [Там же] – разрушить или загубить чью-то жизнь полностью, без надежды на будущее; губить, уничтожить [Там же];

to eradicate (v) – to **get rid of** sth **completely** [25, с. 496] – полностью избавиться от чего-то [26]; уничтожить [Там же];

to put an end to sth – прекратить, положить конец чему-либо [2, с. 319];

to come against sth/sb with force so as to **cause damage or injury** – нападать на кого-либо с силой чтобы причинить ущерб [26];

to strike (v) – to **deliberately hit, attack or harm sb hard or with force,** especially with a hand or with a weapon [27] – **умышленно ударить, напасть или нанести удар кому-либо с силой**, рукой или оружием [26]; нападать, ударять [Там же];

to wipe out (v) – to **destroy, remove or get rid of sth completely** [11] – **уничтожить, устранить или избавиться от чего-то**; стереть с лица земли, уничтожить [2, с. 440].

При исследовании фактического материала нами было установлено, что данная лексико-семантическая группа является самой многочисленной и превалирует при выборе глаголов для реализации угрозы в политическом дискурсе (27,2%).

Нередким явлением менасивных (содержащих угрозу) речевых актов политического дискурса можно назвать обращение к адресату как к третьему лицу посредством личных местоимений 3 лица ед.ч. и мн.ч. “he”, “they” и производных от них форм в объектном падеже (падеже прямого дополнения) “him”, “them”.

“We will smoke **them** out. **They** will be found, and **they** will realize that those who declare war on the United States choose the way of their own destruction” [16] / Мы разоблачим **их**. Мы найдем **их**, и **они** поймут, что те, кто объявляет войну США, найдут другой способ уничтожения [26].

При таком обращении подчеркивается некая пренебрежительность адресанта, а следовательно, его недружелюбность по отношению к адресату. При употреблении этих знаков происходит как бы мысленное очерчивание круга, отделяющего своих от тех, кто находится по ту сторону круга.

Если говорящий в какой-то степени имплицирует угрозу, то адресат, как правило, номинируется при помощи неопределенных местоимений *somebody*, *anyone*, *anybody*, а также при добавлении этого класса местоимений к существительным *any state*, *any ally*, *any power* и т.п.

“We will not allow ourselves to be terrorized by **somebody** who think they can hit and hide in some cage somewhere” [15] / Мы не позволим **кому-то** вселять в нас страх, кто думает, что он может напасть, а потом спрятаться в некой клетке [26].

“I'm not going to sit back idly and let **anyone** threaten the United States” [24] / Я не собираюсь сидеть сложа руки и позволить **кому-то** угрожать Соединенным Штатам [26].

“I can beat **any** other **power** in the world” [20] / Я сумею победить **любую** другую **власть** в этом мире (*перевод автора статьи – Л. М.*).

Стратегия негативной вежливости понимается как пренебрежение, замаскированное под вежливость. В осуществлении этой стратегии неопределенным местоимениям помогают также собирательные существительные *people* (люди), *nation* (народ) и конкретные существительные *person* (человек), *man* (мужчина, человек); *body* (отряд), *individual* (личность), *element* (элемент, фактор, составляющая часть) [26].

“Your Government is not going to – I will not let **people** destroy the freedoms that we love in America” [9, с. 6] / Ваше правительство не собирается ничего делать – а я не позволю **людям** уничтожить свободу, которую мы любим в Америке (*перевод автора статьи – Л. М.*).

“We are targeting the terror **elements** and we are exhausting all possible options before Israel decides on a broad military operation” [24] / Мы нацелены на **составляющую часть** террора и мы исчерпываем все возможные варианты, прежде чем Израиль примет решение о широкой военной операции [26].

Адресат угрозы также может номинироваться и через существительные, которые передают вербальную агрессию в политическом дискурсе. Лексические средства вербальной агрессии называются «инвективами». Мы понимаем термин «инвектив» в его широком смысле как речевую функцию нанесения оскорбления, как «любое резкое выступление, выпад против оппонента» [9, с. 7].

В корпусе инвективных обращений к адресату в политических менасивных речевых актах (МРА) можно выделить:

а) общие пейоративы со значением «ничтожество», употребляемые с целью оскорбления: *bastard* – ублюдок, *pig* – свинья, *ape* – мужлан, хам; *son of a bitch* – подлец, подонок и т.п. [2].

б) специальные пейоративы, называющие носителей конкретных пороков: *killer* – киллер, убийца; *bandit* – бандит, *terrorist* – террорист, *criminal* – преступник, *gangster* – гангстер, *spy* – шпион, *traitor* – изменник, *saboteur* – вредитель, *violator* – нарушитель, *plotter* – заговорщик и т.п. [26].

“Let **terrorists** be aware that when the rules of international behavior are violated, our policy will be one of swift and effective retribution” [10, p. 9] / Пусть **террористы** знают, что если правила международного поведения нарушены, тогда наша политика будет одним из быстрых и эффективных воздаяний [26].

“We shall be set to face a long war against crafty and powerful **bandits**” [21] / Мы готовы столкнуться лицом к лицу с продолжительной войной против коварных и могущественных **бандитов** [2].

Современная культура не поощряет использования открытых форм агрессии, особенно в сфере институционального общения. Речевое насилие проявляется в более «цивильной» форме, посредством специфического именно для политического дискурса вида инвектива – «ярлыка». Навешивание ярлыков, по мнению В. Ю. Апресяна, есть не что иное, как маркирование социокультурных различий, как проявление нетерпимости к иному [1, с. 33].

Среди группы политических ярлыков можно выделить:

официальные и экспрессивно-разговорные названия политических партий и движений:

Communists – коммунисты, *militarists* – милитаристы, *fascists* – фашисты, *Nazi* – нацисты, *Marxist-Leninists* – марксисты-ленинцы и т.п. [26]:

“We shall not only deter aggression; we shall also frustrate the effort of **Communists** to gain their goals by subversion” [23] / Мы будем не только сдерживать агрессию; мы также будем подрывать усилия **коммунистов**, чтобы добиться своих целей от подрывной деятельности [26];

номинации политика по характеру его действий и стилю поведения: *aggressor* – зачинщик, *tyrant* – тиран, *occupier* – захватчик, *dictator* – диктатор, *despot leader* – деспот и т.п. [Там же]:

"No **dictator**, no combinations of dictators, will weaken that determination by threats of how they will construe that determination" [18] / Ни один диктатор, ни объединение диктаторов не смогут ослабить это решение путем угроз, разоблачения истолкования такого решения *(перевод автора статьи – Л. М.)*.

Среди этих двух подгрупп ярлыков обнаруживаются как слова с устойчивой отрицательно-оценочной коннотацией (*fascist* – фашист, *tyrant* – деспот, *occupier* – оккупант, *dictator* – диктатор, *Nazi* – нацист [26]), так и нейтрально-оценочные единицы, открытые для амбивалентного толкования (*communist* – коммунист, *Marxist-Leninist* – марксист-ленинец [Там же]).

При номинации адресата угрозы в политическом дискурсе также используются неодушевленные существительные класса абстрактных, конкретных и собирательных, производные от перечисленных выше инвективных ярлыков или дополняющие их:

tyranny – тирания, *aggression* – агрессия, *terrorism* – терроризм, *Fascism* – фашизм, *treachery* – вероломство, *terror* – террор, *militarism* – милитаризм, *capitalism* – капитализм, *federalism* – федерализм, *(Fascist) regime* – (фашистский) режим, *terrorist act* – террористическое действие, *terrorist group* – террористическая группа, *(Nazi) danger/gang* – (нацистская) группировка и т.п. [Там же].

"We'll shut down Syria-based **terrorist groups**" [3, с. 211] / Мы закроем основанную **на террористических группах** Сирию [26].

"We need to unleash every possible tool in the war against **terrorism** and do so promptly" [4, с. 7] / Мы должны раскрыть все возможные средства в борьбе с **терроризмом** и сделать это незамедлительно [26].

В современной политической обстановке широкое распространение получает конфессиональный негативизм, который выливается в лексической оппозиции: *Christians* ± *Muslims*. Пренебрежение адресанта к религии адресата может выражаться и в отказе говорящего даже произносить конфессиональную принадлежность адресата, называя его противником собственного вероисповедания: *enemies of Islam*, *enemies of Allah*.

"Muslims must kill the **enemies of Allah** in every way and everywhere, in order to liberate themselves from the grandchildren of the pigs and apes who are educated at the table of Zionists, Communists and Imperialists" [7, с. 145] / Мусульмане должны убивать врагов Аллаха во всех отношениях и во всем мире, для того чтобы освободиться от фашистских внуков, которые обучаются за столом сионистов, коммунистов и империалистов [26].

Номинация посредством существительного со значением противоположения является одной из самых распространенных, составляя в процентной шкале номинации адресата 9% [6]: *enemy* – враг, *foe* – недоброжелатель [26], *adversary* – соперник [2, с. 22].

"But if the **enemy** response to our most conciliatory offers for peaceful negotiation continues to be to increase its attacks and humiliate and defeat us, we shall act accordingly" [17] / Но если реакция **врага** на наши самые примирительные предложения мирных переговоров продолжает быть агрессивной и унижающей и одерживает над нами победу, то мы будем действовать соответствующим образом *(перевод автора статьи – Л. М.)*.

Использование имен собственных при номинации адресата отличается от их использования при номинации адресанта. Если в последнем случае имя всегда сопровождается упоминанием занимаемой данным лицом должности, то при обращении к адресату должность часто опускается. К тому же проявлением враждебности по отношению к адресату является номинация его только при помощи одного имени или одной фамилии. Такое обращение имплицирует принижение и уничижение адресата: *Bush*, *Saddam*, *bin Laden*, *Bill* и т.п.

"But **Mussolini** and his Fascist gang will be brought to book, and punished for their crimes against humanity" [19] / Но **Муссолини** и его фашистская банда будут привлечены к ответственности и наказаны за свои преступления против человечества [26].

И, наконец, одним из самых распространенных средств номинации адресата в политических МРА является устойчивый образ врага, выраженный словом "evil" (7%).

"We will continue to fight **evil,** and we will not stop until we defeat **evil**" [22] / Мы будем продолжать бороться **со злом** и не перестанем, пока не одержим над **ним** победу *(перевод автора статьи – Л. М.)*.

Данный образ реализуется в речи посредством открытого или скрытого противопоставления добра и зла — *good & evil*.

"But we will prevail. We will win. **Good** will overcome **evil**" [12] / Но мы победим. Мы выиграем. **Добро** преодолеет **зло** *(перевод автора статьи – Л. М.)*.

Отдельно следует сказать о тех случаях, когда адресат не упомянут в самом менасивном высказывании. Это не означает, что высказывание ни к кому не обращено или обезличено. Адресата следует искать в контексте высказывания.

"The massed, angered forces of common humanity will finish **it**" [14] / Многочисленные, возмущенные силы всего человечества покончат с этим [26].

В данном примере личное местоимение **"**it**"** – ближайшее слово, которое может вывести нас на адресата. **"**It**"** формально заменяет слово **"**war**"** – «война», что выясняется из ближайшего окружения рассматриваемого высказывания. Тот, кто развязал эту войну, и будет являться адресатом. Обратившись к более широкому контексту, мы обнаруживаем адресата:

"The **militarists of Berlin and Tokyo** started this war" [13] / Милитаристы Берлина и Токио начали эту войну *(перевод автора статьи – Л. М.)*.

Необходимо также отметить, что лексические средства служат не только для непосредственного выражения менасивного речевого акта и его участников в политическом дискурсе, но и выполняют некоторые дополнительные функции, следуя коммуникативно-речевым стратегиям.

Однако, несмотря на всё многообразие языковых средств выражения той или иной идеи, не вызывает сомнений некоторая шаблонность и стандартность языка, которая приводит к возникновению более частотных высказываний и наиболее употребляемых. Типическое, повторяющееся, регулярное предстает перед исследователем как форма в семантике, отталкиваясь от которой можно переходить к «бесконечному разнообразию семантических элементов, подобно тому, как множество речевых реализаций сводится к ограниченным типам структурных схем предложений» [5, с. 11].

Внедрение концепта «угроза» в речь политических деятелей можно рассматривать как появление ярких пятен на сером фоне, которые сразу же привлекут внимание аудитории и, конечно же, адресата угрозы. Будучи людьми публичными и предпочитая следовать социальным нормам и нормам речевого этикета, политические деятели в основном прибегают к маскировке угроз, т.е. к их импликации.

Список литературы

1. **Апресян В. Ю.** Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. Междунар. конф. «Диалог 2010». М.: Наука, 2010. С. 32-35.
2. **Большой современный англо-русский, русско-английский словарь.** Новая редакция. М.: Изд-во «Цитадель-трейд», 2009. 1056 с.
3. **Будаев Э. В., Чудинов А. П.** Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 252 с.
4. **Карасик В. И.** О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
5. **Копнина Г. А**. Речевое манипулирование. 4-е изд. М.: Флинта, 2012. 170 с.
6. **Малинович Ю. М.** Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса: монография. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. 216 с.
7. **Падучева Е. В.** Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // Finitis duodecim lustris: сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин: Ээстираамат, 1982. С. 142-149
8. **Поспелова А. Г., Александрова Ю. О.** Две ступени усиления коммуникативного намерения эмотивных высказываний в русском тексте и его переводе на английский // Университетское переводоведение: материалы I Всерос. науч. конф. «Федеровские чтения» (27-28 октября 2010 г.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. Вып. 1. С. 85-87.
9. **Стексова Т. И.** Угроза как речевой жанр // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 6-7.
10. **Bovard James.** Terrorism and Tyranny: Trampling Freedom, Justice, and Peace to Rid the World of Evil. Palgrave Macmillan, 2003. 448 p.
11. **Collins Harper.** Harper-Collins Online Dictionary [Электронный ресурс]. URL: http://www.collinsdictionary.com/ (дата обращения: 05.07.2016).
12. **http://irregulartimes.com/evilwar.html** (дата обращения: 05.07.2016).
13. **http://millercenter.org/president/speeches/speech-3331** (дата обращения: 05.07.2016).
14. **http://millercenter.org/scripps/archive/speeches** (дата обращения: 05.07.2016).
15. **http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/ip.html** (дата обращения: 05.07.2016).
16. **http://www.americanrhetoric.com/speechbanka-f.htm** (дата обращения: 05.07.2016).
17. **http://www.hpol.org/** (дата обращения: 05.07.2016).
18. **http://www.presidency.ucsb.edu/** (дата обращения: 05.07.2016).
19. **http://www.presidency.uscb.edu/** (дата обращения: 05.07.2016).
20. **http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=15917** (дата обращения: 05.07.2016).
21. **http://www.thisnation.com/library/fdr-radio.html** (дата обращения: 05.07.2016).
22. **https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/11/text/20011102-5.html** (дата обращения: 05.07.2016).
23. **https://www.pbs.org/** (дата обращения: 05.07.2016).
24. **https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/** (дата обращения: 05.07.2016).
25. **Macmillan English Dictionary for Advanced Learners** / 2nd edition / M. Rundell. London: Macmillan Publishers Limited, 2007. 1872 p.
26. **Online Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: http://www.multitran.ru/ (дата обращения: 05.07.2016).
27. **Webster Merriam.** Merriam-Webster's Online Dictionary [Электронный ресурс]. URL: http://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 05.07.2016).

THE CONCEPT "THREAT" IN THE ENGLISH POLITICAL DISCOURSE

Magsumova Luiza Il'firovna
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
luiza.magsumova.90@mail.ru

The article considers the concept of "threat" from the point of view of the linguistic tool of speech influence by the example of verbs with the general meaning of destructive action, verbs of abolishment and damage, verbal combinations. The paper establishes a numerous lexical-semantic group of verbs of threat realization in the political discourse. Also the author examines the use of abstract, concrete and collective nouns and proper names as threat.

Key words and phrases: discursive analysis; political discourse; political label; concept; verbs of destructive semantics; menace speech act; verbal aggression.